

Познание с дерева добра и зла

Автопортрет художника Зверева

В галерее "Кино" прошла выставка известного художника Анатолия Зверева, одного из лидеров неофициального искусства 60 — 70-х годов. Родившийся в 1931 году художник удостоился хвалебных отзывов Пикассо и Фалька. Цветоэкспрессивная разрушительно-созидающая эстетика, независимость художественной логики, не извлекающей прямо приемы "дедукции" из осуществившегося или набирающего силы авангарда (хотя и освоившейся вполне с его наследием), характеризует Зверева далеко не полно, поскольку он шире описательных возможностей языка.

Загадку дарования Зверева надо искать в нем самом, а не в русском авангарде. Природа его экспрессии обманывает и обходит законы художественной "наследственности", хотя родство с "Парижской школой" и другими течениями подталкивает к сопоставлениям. Зверев владел многими стилями живописи. Он писал портреты, натюрморты, пейзажи, создавая собственный авторский стиль. И хотя речь — продолжение самого человека, говорящего на собственном языке, многие поэты оказываются с другой стороны языка, являясь его посредниками и проводниками. Поэтическая живописность Анатолия Зверева превращала язык живописи в орудие беспорядочного бунта цветовой экспрессивности,

свойственной самому изобразительному искусству.

"Французы находят твои работы прекрасными", — сказали как-то Анатолию друзья. "Что ж, им представляется возможность узнать, что такое прекрасное", — ответил художник. В этом не столько проявление чрезмерности самооценки, сколько легкость самодостаточности художника, который мог работать кистями, зажатými в кулаке, сапожной щеткой, писать картины даже вареньем. Сам внешний облик человека, напоминавшего городского бомжа, не соответствуя возвышенности его работ, свидетельствовал о том, что он был скроен из противоречий.

Зверевская выразительность, достигавшаяся свободными мазками и пятнами, носила природу "анархической" экспрессивности. Казалось бы, стилистика, тяготеющая к безусловной свободе, должна была привести к чистому абстракционизму, но оказалось, что краски и холст, следуя "взаимной любви" к живописцу, стремятся к внутренней гармонизации и упорядоченности. Стихия, как бы подстроившаяся под импульсивность художника, отвечала на свободные порывы узаконенностью нарождающихся порядков. Загадку Зверева надо искать в нем самом еще и потому, что тесно взаимосвязаны живописный почерк и образ жизни, которому

больше подходит понятие "стиль".

Художнику не чужда была пластическая традиция "Парижской школы", но он своей свободолобивой импульсивностью очищал живопись от излишнего эстетизма. Он превращал в живопись все, что попадало в поле его зрения, не давая живительным импульсам тлеть и чахнуть. Замечательные портреты, на которых линия и цвет соперничают в совершенстве, выдают невольную "анархическую" тягу художника к извлечению порядка гармонии из "пустоты холста". Такое впечатление, что Зверев освобождал изображение из беззвучного смещения холста и красок. На выставке, прошедшей в галерее "Кино", были представлены именно такие картины. Цвет на многих работах представляется не просто многослойным, а скорее многоуровневым или увиденным через полупрозрачную водную гладь (когда видно одновременно то, что ближе к поверхности, и то, что дальше от нее). Узнать отличительные признаки экспрессивности можно по особой цветовой сочетаемости, рассредоточенности цвета по холсту. Узнать же значит только одно — прочувствовать. Живопись Зверева почти полностью исключает помехи, возникающие обычно при передаче ощущений художника, преобразованные его импульсивностью, соответствующим им импульсам зри-

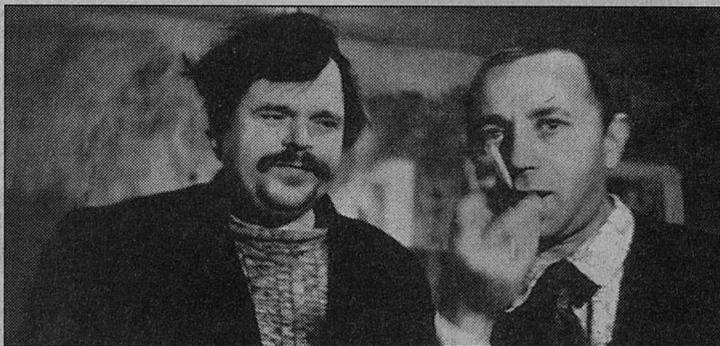
тельного восприятия. Художника, чье творчество узнаваемо в "параллельных мирах" от ташизма до фовизма, ценили и почти "короновали" русские авангардисты от Плавинского до Немухина и Штенберга, сами отличающиеся более ярко выраженной принадлежностью к конкретному направлению или системе ценностей. Зверев чуждался сюжетной живописи, которая бы противоречила непредсказуемости, взрывной темпераментности и спонтанности его творчества. Выстраивать сюжетную композицию означает подавлять состояние, которое выглекивалось на холст и мгновенно приобретало законопослушную, но свободолобивую форму.

Картины Анатолия Зверева, ставшего символом артистизма, приобретаются крупнейшими мировыми музеями, в том числе музеем Метрополитен в Нью-Йорке. Фальк говорил о нем: "Художники такого масштаба рождаются раз в столетие". Его работы лишены фальковской цвето-мелодической идеализации, когда цвет претендует на нечто сверхценное, а его экспрессия "выжимает" эстетизм в силу самоосуществления, характерной "жестовости" (расковывающей характер).

Картина "Кошка" (1959 г., бумага, смеш. техника) очень для Зверева характерна. Художник выхватывает изображение из пустоты (какой-

то даже космической), когда сдержанно-затаившееся животное напоминает соединение созвездий и черных дыр. Картина насыщена цветовыми сочетаниями, но нет такого уголка на ней, который не "сигнализировал" бы о своей принадлежности к изображению. В явлении осязаемого ощущения через абстракцию за счет экспрессии проявляется темперамент художника, который умер в 1986 году, ведя губительный образ жизни. Можно вспомнить Модильяни, на стиливой почерк и направленность вдохновения которого, по мнению многих, оказали влияние алкоголизм и наркомания. Зверев, стремившийся гармонизировать ощущения и придать "состоятельность" миру, был зависим от "зеленого змия", подталкивающего многих и не только в России на путь познания с дерева "добра и зла". Возможно, вкушаемые плоды исключали помехи при передаче раскрепощенной подлинности русского человека ценителям живописи "вне границ". Анатолий Зверев останется в истории русской живописи фигурой заметной и значимой, открытием которого еще предстоит в силу медленного раскодирования как загадочности души, так и избыточности противоречий.

Александр
ВАЙНШТЕЙН

Слева вверху: А.Зверев и А.Глезер. Москва, 1974 г. Слева внизу: "Женский портрет". 1966 г. Справа: "Портрет А.Глезера". 1975 г.